

целом положительно. Однако позиции СССР и ГДР совпадали далеко не во всем. Лидер ГДР В. Ульбрихт проявлял неуступчивость, не оставляя надежд на полное “включение Западного Берлина в ГДР”. Однако советская дипломатия, подчеркивает автор, подталкивала власти ГДР к более умеренному курсу (с. 237). Концепция “самостоятельной политической единицы” на тот момент больше соответствовала внешнеполитическому курсу СССР.

Советская дипломатия справилась с возложенной на нее задачей. Дипломаты не только вносили свой вклад в решение проблемы Западного Берлина, но и отстаивали государственные интересы СССР. Их повседневная работа приближала подписание Четырехстороннего соглашения по Западному Берлину 3 сентября 1971 г. Это событие имело историческое значение.

Некоторые, в частности, молодые люди могут сказать, что усилия советских дипломатов начала 1960-х годов по урегулированию за-

падноберлинской проблемы оказались напрасными.

Однако в историческом плане решить германский, и в частности, западноберлинский, вопрос удалось лишь только благодаря активной политике СССР и его президента М.С. Горбачева. Берлин уже третье десятилетие столица единой Германии.

Для историка важнейшей задачей остается поиск истины и описание событий на основе источников. Это еще раз показал Р.В. Долгилевич в своем исследовании. Монография отличается высоким академическим уровнем, она увлекает и “захватывает” читателя. Такие книги сегодня очень востребованы среди преподавателей, аспирантов, студентов, всех любителей и ценителей истории как науки.

Б.В. Петелин,

доктор исторических наук,
профессор кафедры

социально-экономических дисциплин
Череповецкого государственного университета

Т.Л. Лабутина, Д.В. Ильин. АНГЛИЙСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ. СПб.: Алетейя, 2012, 304 с.

К сожалению, в отечественной историографии значительное внимание традиционно уделялось французскому Просвещению. Лишь в 70–80-х годах XX в. появились работы советских историков (М.А. Барга, Е.Б. Рубинштейн, А.И. Петиновой и др.), посвященные деятельности отдельных английских просветителей. В постсоветский период вышли две коллективных монографии под редакцией профессора МГУ Н.М. Мещеряковой, в которых делалась попытка обобщить изученный опыт английского Просвещения и выявить его закономерности¹.

Монография ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН д.и.н., проф. Т.Л. Лабутиной и к.и.н. Д.В. Ильина (Владимирский государственный университет) как раз и восполняет этот пробел. Авторы – серьезные специалисты в области общественно-политической и педагогической мысли английского Просвещения. Д.В. Ильин в 2010 г. защитил кандидатскую диссертацию, в которой

показал результат глубокого анализа просветительской мысли второй половины XVIII в. Т.Л. Лабутина уже много лет занимается исследованием английского Просвещения второй половины XVII – первой половины XVIII в.² Она одной из первых обратила внимание на педагогическую составляющую английского Просвещения.

Монография Т.Л. Лабутиной и Д.В. Ильина состоит из двух частей. Первая посвящена формированию либеральной модели демократии и теорий государственного устройства в трудах просветителей, теории “сопротивления”, создания просветительской концепции демократических свобод, взглядов просветителей на внутреннюю и внешнюю политику английского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Во второй

¹ Просветительское движение в Англии. М., 1991; Общественно-политическая мысль европейского Просвещения. М., 2002.

² Лабутина Т.Л. Политическая борьба в Англии в период Реставрации Стюартов (1660–1681). М., 1982; *её же*. У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1689–1714). М., 1994; *её же*. Воспитание и образование англичанки в XVII в. СПб., 2002; *её же*. Культура и власть в эпоху Просвещения. М., 2005.

части рассмотрены проблемы просветительской концепции правового государства второй половины XVIII в.

Во введении к монографии авторы выдвинули два тезиса, обоснованию которых посвящено исследование: идеи Просвещения зародились в Англии, и “в отличие от аналогичных движений в странах Западной Европы английское Просвещение не предшествовало буржуазной революции, а, напротив, являлось ее плодом и результатом” (с. 7). Временем возникновения просветительских идей в Британии справедливо названы последние десятилетия XVII в.

И действительно, последняя четверть XVII в. является временем необычайного оживления английской общественной жизни: в парламенте появляются первые политические партии, зарождается пресса, в городах открываются кофейни, в которых джентльмены активно обсуждают политическую жизнь страны. В этот период Англия уверенно становилась на путь капитализма. Повсюду возникали новые мануфактуры, развивалась торговля, расширялась колониальная система. События Славной революции 1688 г. изменили политическую систему страны: Англия стала парламентской монархией.

Все эти перемены не могли не отразиться на английском общественном мнении. Хотя политическая элита, в основном, еще состояла из землевладельцев, но капиталистические перемены XVII и особенно XVIII в. породили средний класс общества и особую культуру, которую историки позже назвали “буржуазной”. Эта культура защищала “естественные” права и свободы граждан на жизнь, свободу и собственность.

Выразителями именно этой культуры и являлись английские просветители – философы Дж. Локк и Д. Юм, писатели Дж. Свифт и Д. Дефо, журналисты Р. Стиль и Дж. Аддисон, государственные и политические деятели лорды Темпл, Сомерс, Галифакс, Болингброк и др. “Оформление буржуазной идеологии происходило под влиянием непосредственной практической деятельности ее выразителей”. Прежде всего, речь шла о политической деятельности. “Общественно-политическая мысль просветительства выкристаллизовывалась в ходе партийной полемики видных представителей класса буржуазии” (с. 30).

Рассматривая теории государственного устройства, предлагавшиеся английскими просветителями первой половины XVIII в., авторы обращают внимание, что все проекты были ориентированы на “сохранение и оправдание упрочившегося в стране после Славной революции строя” (с. 31). Именно поэтому

все просветители, независимо от партийной принадлежности, защищали концепции “общественного договора”, “разделения и равновесия властей”, расходясь лишь в своем отношении к теории “сопротивления” (с. 71). Авторы верно отмечают, что если в первой половине XVIII в. просветители с опасением относились к праву народа на сопротивление деспотическому режиму правления, боясь восстаний народных низов (с. 85), то во второй половине XVIII в. под влиянием внутренних (борьбы за парламентскую реформу, Промышленной революции) и внешних событий (Американская и Великая французская революции) представители английского Просвещения стали смелее в своих взглядах (с. 265). Что, впрочем, породило и ответную реакцию в виде консерватизма.

К похожему выводу авторы пришли, анализируя отношение просветителей к демократическим правам. После Славной революции 1688 г. свобода слова в Англии носила ограниченный характер, будучи привилегией только имущих слоев населения. Но и в этом случае ею мог воспользоваться не каждый буржуа, “а лишь тот, кто выражал ортодоксальные взгляды, поддерживал правящую партию и правительство” (с. 99). Несогласных ждали штраф, позорный столб и тюрьма. Большинство просветителей, будучи на службе правительств тори или вигов, поддерживали такой порядок вещей, считая его правильным. Одной из главных причин такой ограниченности была боязнь аристократии и буржуазии, что всеобщая свобода слова приведет к власти народные низы, что уже случилось в годы Английской буржуазной революции.

Но во второй половине XVIII в. отношение просветителей к свободе слова изменилось. Становление среднего класса и рождение пролетариата не могли не оказать влияние на общественную мысль. Берк, Годвин, Пристли предложили более радикальные для своего времени представления о свободе. Например, Годвин утверждал, что “подлинные враги свободы слова и других демократических свобод находятся не среди народа, а в высших слоях общества” (с. 279).

Весьма интересным представляется и отношение деятелей Просвещения к колониализму. В XVIII в. Британия из маленькой торговой страны превратилась в огромную колониальную империю. Эти перемены не могли не сказаться на трудах философов, писателей, политиков. Однако снова можно видеть значительную разницу в отношении просветителей к колониализму в первой и второй половине XVIII столетия. Шефтсбери являлся основателем североамериканской колонии Каролины,

Локк вкладывал наличные средства в работоторговлю, Дефо предлагал проекты заселения колоний. Ранние просветители смотрели на английские колониальные проекты с оптимизмом (с. 151–152).

Правление Георга III ознаменовалось как дальнейшим расширением границ империи (присоединение Канады, начало завоевания Индии), так и грандиозной войной с американскими колониями (1775–1783 гг.), завершившейся трагическим поражением для Лондона. Отношение просветителей второй половины XVIII в. (Честерфилда, Берка, Пристли) к колониальной политике метрополии было крайне негативным. И в дальнейшем деятели Просвещения, борясь за права человека, осуждали захват колоний и работоторговлю (с. 280–287).

Наконец, одним из важнейших направлений деятельности просветителей являлось образование. Философы, литераторы и политики были твердо убеждены, что “в нравственном воспитании и образовании нуждаются представители всех слоев общества” (с. 158). Авторы монографии детально охарактеризовали педагогические теории Локка, Дефо, Свифта, Галифакса, Мандевиля и Годвина. Следует особо отметить, что просветители занимались не только мужским, но и женским образованием.

Вывод историков справедлив и очевиден для XVIII столетия: “Английские просветители, уделяя большое внимание праву людей на получение образования, считали необходимым расширение образования, выступали за его демократизацию... Однако при этом они распространяли такое право исключительно на имущие слои” (с. 297). Либеральная эпоха английской истории еще не наступила. Дети простых крестьян и горожан еще долгие годы будут трудиться в работных домах, заниматься воровством и попрошайничеством, разделяя судьбу многих персонажей произведений Чарльза Диккенса.

В качестве небольшого замечания можно пожелать авторам дополнить историографический обзор такими известными исследователями английского Просвещения, как Джонатан

Израэл и Джозел Мокир³. Израэл обратил внимание в своей монографии на радикальные течения Просвещения, ставшие провозвестниками современной демократии. А Мокир исследовал влияние развития наук в эпоху Просвещения на Промышленную революцию в Англии и на континенте.

Можно смело утверждать, что именно идеи Просвещения в Англии подтолкнули к дальнейшим либеральным переменам не только британцев, но и жителей Франции, Германии, Испании, США, России и других стран. Британский опыт оказался успешным и востребованным. Впрочем, говоря о наследии английского Просвещения, авторы делают небесспорный, но интересный вывод: “Либеральная модель демократии в современном мире уже изжила себя... По-видимому, настала пора искать другие формы правления” (с. 301).

Однако историческое значение английского Просвещения трудно переоценить. Это была блестящая эпоха смелых идей, разрушивших европейский “Старый порядок” и породивших мир, в котором мы живем. Английские просветители трудились на заре этой эпохи, став образцом для последующих поколений европейских и американских мыслителей. Именно поэтому важно изучать их наследие. Авторам удалось дать блестящий анализ идей просветителей, показать историческую и интеллектуальную эволюцию их идей на протяжении XVIII в.

В то же время нельзя сказать, что Т.Л. Лабутина и Д.В. Ильин поставили окончательную точку в изучении английского Просвещения. Напротив, они подготовили прекрасную базу для будущих исследователей, которые продолжат расширять горизонты отечественного англоведения.

А.А. Киселев,
кандидат исторических наук,
Волгоградский государственный университет

³ *Israel J. A Revolution of the Mind. Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy. Princeton, 2009; Mokyr J. The Enlightened Economy. An Economic History of Britain, 1700–1850. Yale, 2009.*